

ПРАВДОХА И «МОДЕРН»

Георгий
РАДОВ

Чертоскубица.

«Пере»... Цепочка

писателю! Больше десятка — и начинающих, и уже «остепененных» — критиков изучали его книгу, и вот В. Аксенов сидит над грудой статей и пожинает плоды их соединенных усилий.

Плоды такие. По свидетельству критиков, автор: а) написал «живой, оригинальный роман»; б) написал «неудачный роман»; в) ему «удалось подметить некоторые черты, свойственные современной советской молодежи в целом»; г) «в романе совершенно утрачена конкретность нашей жизни»; д) «блистающий светлыми красками роман проникнут поэтической верой в советское юношество»; е) «муторно и беспросветно водит своих героев по бесконечным лабиринтам».

Это об одной и той же книжке.

Ну, а герои В. Аксенова?

Сни, по свидетельству той же критики: а) «нигилисты»; б) «хорошие парни»; в) «стиляги»; г) «чистые души»; д) «шалопаны»; е) им присуще «благородство юности»; ж) «какое хамелеонство!»; з) «довольно разносторонние по своим интересам и способностям ребята»; и) «скептики», «хлюпки», «фрондеры»...

О, многострадальная критика! Каким же крепким орешком оказался для тебя этот «Звездный билет». А ведь не «Братья Карамазовы», совсем не «Братья». Весьма нехитрое сочинение. Все обнажено. И недостатки так явственны, что их за тысячу километров видать. А вот поди ж ты...

Споры! Расхожденья! Да такие, как будто критики читали две разные книги. И не насчет там языка, стиля или композиции, а расхождения в главном, в оценке идейной устремленности книги, общественного лица героев. С чего бы это?

— Все у вас начинается с «пере», — говорил мне знакомый кубанец, Павел Трофимович. — С «пере», говорю, начинается, понял, нет? Один

Перечел все, что написано о «Звездном билете», и подумал: ну как не позавидовать молодому

Пolemические заметки

перехвалит книжку, а другой кинется его поправлять, да как-как распахнется, как-как расхочется — живого места от книжки не оставит. А третий заступится, но опять-таки раскипятится и бу-ух в перехвал! А четвертый, тот уже и про книжку забудет, за этих троих возьмется, их начнет сечь. По-ошла чертоскубица!

Ну, ей-богу же, Павел Трофимович как в воду глядел! Все началось с «пере». Юрий Бондарев в «Литературной газете» явно перехвалил роман, и хотя исходил он из намерений добрых, не хотел, по-видимому, травмировать молодого писателя, но добился, как говорят, «совершенно обратного результата»: вызвал огонь на книжку. На перехлест хвалебный немедленно ответили залпом перехлестов критических, и... «по-ошла чертоскубица!» А поскольку спор шел на сплошных «пере» в ту и другую сторону, то в конце концов критики ушли от объективной ценности книги, и предметом их схваток стало нечто другое — гибриды, возникший от скрещивания перехлестов. И хотя, по моему убеждению, критики романа были куда ближе к истине, чем его защитники, но сколько же в этих «вытаптывающих» роман статьях перебора! Сколько недоброжелательства, злости, грубости! Мало оназалось «Звездного билета», так один раздраженный критик взял под сомнение и успех «Коллег» — первой и несомненно удачной, светлой книги Аксенова...

Уже одно обилие этих «пере» вызывало острое желание поспорить и с защитниками романа, и с критиками. Но тут знакомый москвич, инженер Иван Владимирович помог взглянуть на книжку Аксенова «с другой стороны». Разговорились о вкусах его сына, десятиклассника, и Иван Владимирович сообразил:

— А ты знаешь, я от него спрятал «Звездный билет»...

— Ты шутить...

— Какие шутки! Литература должна воспитывать или нет? А этот би-

лет, он куда заведет моего парня? В «Араги»?

— Ну нельзя так буквально, Иван Владимирович. Литература — не устав караульной службы.

— Знаю, что не устав. Но мы-то с тобой на чем росли? На Корчагине?

— Росли-то на нем. Но были же и при нас «Звездные билеты».

— Помню. Но был же и «Разгром!» Был и Корчагин! А тут я выписал Витке «Юность», читаю... Одна повесть про неустроенных, другая про расстроенных, третья про заблудившихся, четвертая про таких, что все не по ним: школа не по ним, родители не по ним, комсомол не по ним, лозунги наши не по ним, работа не по ним. И про них книжка за книжкой... Цепочка! Только про них. Скажи, пожалуйста, нашли топор под лавкой! Оксан молодежи, а они облюбовали один заливчик и бултыхаются...

Я понимал, что Иван Владимирович в отцовской своей запальчивости тоже, что называется, «пере»... Но цепочка! А ведь и впрямь, подумалось, — она уже образовалась, эта «цепочка» книг одного направления, об одной группе молодежи. И, может, об этом подумалось бы не столь определенно, не появившись в этой «цепочке» еще одно звено, самое свежее и приметное: сценарий В. Розова «А, Б, В, Г, Д...», напечатанный, как и «Звездный билет», в журнале «Юность».

Холден Колфилд

и Володя Федоров

У Розова все доведено до «точ-ки кипения». У других авторов мы видели просто расстроенных молодых людей — розовский Володя рассержен до испуга. Ничто не мило! Ничто не дорого! Муторно! Быть физиком? Противно! Работать? Противно. Красивый пейзаж встретился по дороге? «От этой лирики с тоски удавиться захочется». Нет истин. «Любви нет, есть разномыслие». Все авторитеты относительны. Нет ничего. Есть он и мир, в котором «от всех людей... тоской веет, скукой», мир настолько отвратительный, что герой не прочь был «взорвать весь земной шар к чертовой ма-

тери! Уничтожить всех разом! Пусть начнется все с начала, с одноклеточных... Может быть, тем другим, повеет? А?».

И это в семнадцать лет...

— Ничего тебе не нравится. Все школы не нравятся, все на свете тебе не нравится... Назови хоть что-нибудь одно, что ты любишь!.. Не можешь ничего назвать — ничего!

Володя Федоров и впрямь не может назвать, что ему нравится в этом мире. Но я привел цитату совсем из другой книги. «Все на свете тебе не нравится», — это говорят на Володе Федорову, а Холдену Колфилду, герою романа Дж. Д. Сэллинджера «Над пропастью во ржи»... Но там, у Сэллинджера, все оправдано! Такой мир окружает американского мальчишку, такие нравы кругом, такие люди, такие будни, праздники, идеалы и перспективы, что, ей-же-ей, понимаешь бунт, устроены им, кстати, вполне в духе того общества, в котором он живет...

Ну, а кто рассердил московского мальчишку? Кто довел его до такого испуга?

В. Розов адреса не дает. Кто рассердил, что рассердило — неизвестно. Володя врывается в сценарий уже «готовенький», кипящий, и ни герой, ни автор ни разу не оглядываются назад — мы так-таки ничего и не узнаем ни о людях, ни о событиях, ни о явлениях, которые в наши дни полностью вывели из равновесия выпускника московской десятилетки.

Хотя о явлениях, кажется, можно догадаться по такому диалогу:

Володя. Мечты, дядя, самые прекрасные! Ну, например, истребить на земле всех самодовольных тупиц, жуликов, карьеристов, приспособленцев, подхалимов, двойных душонок...

Дядя. Дело, брат, хорошее, но нелегкое...

Володя. А мне иногда кажется: просто невозможно! Вот я и думаю...» (далее излагается проект взрыва «всего» земного шара).

Итак, истребить. Как будто не новый мотив для розовской воинствующей драматургии. И молодые герои его пьес, и они выходили на жизненную дорогу с нерастроченным запасом ярости против мещанства. И если встречались с ним — воевали. Пусть порою неумело, по-детски, саблей круша ни в чем не повинную мебель, но воевали...

Володя Федоров не таков. Не воюет и не собирается воевать. Постиг,

что пороки мира неодолимы, и... бежит. Бежит в самом прямом смысле этого слова. Сперва от родителей — в Сибирь, к дяде. Оттуда — обратно в Москву. По шпалам! «Грязный, вздохмаченный, с остервенелым от злобы и унижения лицом, он бессмысленно бежит за набирающим ход поездом...»

Надо отдать справедливость: автор пытается остановить бегущего. Сталкивает его то с циничниками, то с циником-командировочным, то с жуликом-железнодорожником, то с контуженным фронтовиком, то со старичком-стяжателем. Сталкивает, вероятно, затем, чтобы пробудить парнишку к действительности, направить его «тотальный» гнев по точному адресу, а его желание «встать на всеобщую щепенку» — на «конкретную» щепенку. Но тщетно. Герой бежит...

Автор идет на крайние меры. Во имя прозрения Володи Федорова он убивает славного юношу верхолаза Володю Пальчикова (любопытное совпадение: и В. Аксенов в «Звездном билете» совершенно неспровоцированно убивает Виктора во имя окончательного прозрения младшего брата). Но и смерть Пальчикова не помогает. Герой, лишь на мгновение задумавшийся, продолжает бег... Тогда драматург крупным воспалением легких валит с ног спутницу Володи, Симу, милейшее преданнейшее существо, которое оказывается совсем не двоюродной сестрой, а «чужой» девушкой, и к тому же любящей. Сима при смерти, без сознания, и лишь тогда...

Лишь тогда герой, наконец, раскрывается... Правда, мы узнаем из его письма к Симе, что «по-моему, перевоспитываться надо не мне, а другим». Но тут же обнаруживается, что это лишь поза, что герой — вот же в чем дело-то! — негласно перевоспитался, осваивает профессию горного, «и если выпуск пройдет удачно, то все скажут, что я забочусь об увеличении выплавки чугуна для страны, а на самом деле я просто устрою все это в твою честь»... И еще «самое главное — я, кажется, хочу учиться... Я буду здорово учиться, вот увидишь! Ты просто ахнешь... как я буду учиться! Мир должен быть лучше, чем он есть... И мы постараемся...»

Это письмо — заключительный аккорд сценария. Дальше идут сцены, о которых, честное слово, не хочется говорить, так не по-розовски, так торопливо они написаны. Сцены, ставшие до назойливости обязательными в произ-

ведениях подобного рода. Герой с яростью принимается за работу. С блеском, поражая всех, в молниеносный срок он осваивает профессию горного — горного! — и...

«Володя (голосом твердым, но с волнением). Открыть летку!

Пробивают летку».

Финал этот так поспешен, так не оправдан всем ходом событий, так художественно неубедителен, что... Впрочем, как бы он ни был написан, этот финал, он не решает ни одного из вопросов, с такой многозначительностью поставленных автором.

Я несколько раз перечитал сценарий В. Розова, стараясь добраться до сути и понять, зачем, во имя чего это

написано? Что хотел сказать мне, читателю, автор?

Может, он хотел мне сказать, что рядом с миллионными, так сказать, «нормальными» молодыми людьми существуют и такие, как Володя Федоров? Ну что ж, согласимся, есть и такие. Но ведь Розов говорит нам не это. Сам того не желая, он всем ходом повествования подводит меня, читателя, к мысли: именно та часть молодежи, которую представляет Володя Федоров, — именно она наиболее интересна и перспективна. Именно она, — несмотря на ее завихрения, фрондерство, цинизм, развязность, но с ее смелостью суждений, остроумием, талантливостью, — именно она призвана стать в будущем не просто «честными производственниками», как пренебрежительно писал Е. Евтушенко, а сливками общества...

Ведь посмотрите, посмотрите-ка, кого ставит Розов рядом со своим героем! И в какое окружение ставит В. Аксенов своих мальчишек!

Нет, я не говорю о мерзавцах, пошляках, жуликах и мещанах, которые разгуливают и по розовскому сценарию, и по аксеновскому роману. Я имею в виду людей «положительных», «правильных».

Господи, до чего же они скучны, примитивны и одноклеточны, эти «правильные», и у Розова, и у Аксенова! Смотрите, на каком фоне раскрывается нам розовский Володя. Родители?

«Володя. Потерпи. Вероятно, со временем обломаюсь...

Мать. Мы не хотим, чтобы ты «обламывался».

зять о них. Дплоть до детален.

Только глубоко чувствуя, любя или ненавидя своего героя, можно найти тот единственный жест, то слово, которые сверкнут, как озарение. Помните: «Дело Румянцева» все полно таких прекрасных неожиданностей, таких слов и деталей —

тельными, герои стандартны и неинтересны настолько, что закрадывается мысль: а интересны ли они были самим творцам?

Если художник уверен, что говорит о важном и нужном, в рассказе его появятся и неожиданность, и точность, и неповто-

но зачинателем белорусской советской литературы Владимир Николаевич Дубовик. Недавно издательство «Советский писатель» и Государственное издательство Белоруссии выпустили сборники стихов В. Дубовика «Золотая раница» на русском и «Полесская рапсодия» — на белорусском языках. В них представлены главным образом произведения, созданные поэтом в последние годы.

лочкина с одинаковым энтузиазмом исполняла лирические и комедийные, характерные и высокохудожественные роли. Александрна Александровна играла в беззаветную преданность

ее талантом, ее благоволенным отношением к своей профессии.

Евдокия
ТУРЧАНИНОВА,
народная артистка СССР

и нам с высоты веграммы, принятой съездом Коммунистической партии, открылось во всей своей красоте наше будущее — совсем близкое, то, в котором будет жить нынешнее поколение советских людей.

Володя. Все так...

Мать. Ты намекаешь на нас? Но учти: мы росли в более сложное время. Тебе легче.

Значит, родители «обломались»? Мы не знаем, что именно стоит за этим словом, но видим людей слабых, жалких, и, конечно же, Володя с его остроумием рядом с ними «молодец». И такой же он молодец рядом с дядей, заслуженным партизанским командиром. При первом свидании с племянником этот дядя сообщает:

«Дядя... Отец и мать в письме пишут, что мы из тебя человека сделали.

Володя (опешив). Они это написали?

Дядя. Да... И мы постарались...»

Ведь вот же какая стюеросовая дубина этот заслуженный дядя — ни на грош такта!

А молодежь, окружившая Володю в дядином доме? «Хулиган! Стиляга! Судить такого! Подонок!.. Гений непризнанный! Мы его переработаем» — вот ведь как на шестой минуте знакомства разговаривает с тонким и остроумным Володей эта неотесанная провинциальная молодежь. А встречные и поперечные? Даже Пальчиков, добрый широкодушный храбрец Пальчиков с его наивной мечтой об Африке, — ведь и он до того наивен и простоват, что куда ему состязаться с Володей! И не мудрено, что во всех, ну буквально во всех спорах и с молодыми, и с взрослыми, в спорах, где лоб в лоб сталкиваются мнения, он неизменно одерживает победы. Как говорится, «молодец против овец...»

И так же в «Звездном билете». Мальчики встречаются и с хорошими моряками, и со смелыми рыбаками, и с дельным председателем колхоза, — но во всем романе не находится ни одного человека, который бы по интеллекту превзошел мальчиков или стал с ними вровень.

Нет, я, конечно, не думаю, что все это сделано намеренно. И, приводя цитату из Сэлинджера, вовсе не собиравшись упрекать Розова за то, что он «пересэлинджерил» нашу действительность», как писали об Аксенове в журнале «Октябрь».

И в сценарии, и в романе весьма заметны белые нитки, и по ним-то угадываешь, что авторы шли к светлой цели. Не зря же на пути розовского Володи появилась доменная печь, а на пути аксеновских мальчишек возник сейнер коммунистического труда. Все было продумано! Но если б в искусстве все зависело от замысла...

Как написаны заблудившиеся маль-

чики? Они же вкусно написаны! Замечаешь тут и предметнейшее знание жизни, и достоверность, и авторскую симпатию. А как написано окружение? Что такое розовский завод? Это же чисто литературный завод, завод вообще, который создан с той крайней приближенностью, которая никогда не дарила художественных открытий. А аксеновский сейнер? И это же чисто литературный сейнер! Ни в описании заводских людей, ни в описании рыбаков мы не обнаруживаем ни малейшего знания жизни и, будем говорить прямо, не обнаруживаем и симпатии авторов к этим людям. И сколь бы ни были хороши замыслы Розова и Аксенова, но — так уж бывает в искусстве: есть любовь, есть симпатия, и мальчишки вышли и полнокровными, и яркими, и обаятельными, а не хватает знаний, любви, симпатии — и «правильные» молодые люди вышли серыми, неинтересными, начисто лишены обаяния. А в итоге? Искажена правда действительности! Ребята, которые в жизни — рядом с настоящими умными и интересными юношами и девушками — выглядят смешными и жалкими, в сценарии и в романе оказались самыми интересными и блистательными представителями современной молодежи, своего рода выразителями дум поколения...

Но кто они, эти выразители?

Отнимем

хлорвиниловые сумки!

Володя из сценария Розова «одет вполне элегантно, и на него смотрят редкие прохожие, даже высовываются из окон любопытные». В «Звездном билете» «внимание станционных служащих, местных жителей и железнодорожной милиции было привлечено весьма экстравагантной группой молодых людей». Не правда ли, «шик-модерн»? И танцуют молодые люди, или, как они сами говорят, «кидают танчики», именно так, как танцуют на московских «танцплацах» в начале шестидесятых годов. И говорят именно на том жаргоне, который бьет в наши дни. Гимназисты в «Как закалялась сталь» и Янов Узелков в нилинской «Жестокости» пользовались совсем другими словечками. И вот он, как выразился один молодой критик, «обобщенный в одной детали образ времени»: Димка «выходит из булочной с батоном в хлорвиниловой сумке».

Модерн, во всем модерн! И не во имя ли этого «модерна» В. Аксенов

вызвез своих героев не на светлые плясы Оки, а на курортный пляж, поближе к «современным» кафе, коктейлям, покеру, липси... Но, видно, и сами авторы понимают, что ни оперением, ни танцами, ни жаргоном не определяется современность героев. Каждая эпоха ходит со своими сумками, и это еще решительно ничего не говорит о тех, кто эти сумки носит...

Есть вещи посерьезнее.

— Возьмите взгляд на искусство! — убеждал меня молодой критик. — Разве это не современно? Мальчишки увлекаются абстракционизмом — и это может им не нравиться. Но разве дело в абстракционизме? Соль в свободном от догматизма, широком взгляде на искусство! Молодые люди пусть с издержками, но вырабатывают свой собственный вкус, не навязанный им административно...

«Свободный взгляд», «собственный вкус»... Не только защитники, но и самые суровые критики романа все-таки поверили Аксенову, что у его «мальчишек» есть собственный вкус или какой-то свой взгляд на искусство. В. Котов и И. Шевцов в газете «Литература и жизнь» громят аксеновских героев за их «левые» козлы по части пропаганды абстракционизма и заключаю злобеще: «Эти мальчишки не так уж безобидны, как их рисует Аксенов».

Какой гипноз! Какое заблуждение!

...Этим летом Митька, сын моего старого приятеля, совхозного агронома, поступал в университет. Я влюблен в этого хлопца, несколько лет слежу за ним и убежден, что он по самому строгому счету тот самый герой, который просится в книжки. Правда, есть у Митьки один изъян: что поделает, он пока еще намертво глух к литературе... Но тут больше повинен учитель словесности, дузатенький человек, который, «проработав» с Митькой всю литературу, от Радищева до Твардовского, вынул парню стойкое и пока неистребимое отвращение к художественному слову...

Но живопись... Что тут сыграло роль врожденное призвание или умный старый учитель рисования — но так или иначе живопись стала Митькиной страстью. Конечно, в совхозе не было картинной галереи, а в чайной висели только «Богатыри», но Митька собирал репродукции из «Огонька», покупал монографии о художниках, а в прошлом и позапрошлом годах он все лето работал на комбайне, накопил денег, ездил в Москву и Ле-

нинград и обошел все музеи... И в Москве, в дни экзаменов, он первым ходил к экзаменаторам, сдавал и бежал не в парк, не в кино, а в Третьяковку и пропадал там часами.

Так вот, когда кончились экзамены и мы с Митькой сидели в скверике, ожидая результатов, к нам подошли юноши из Митькиного «потока», в меру клетчатые, в меру узкоштаные, в меру лохматые, а один, ну просто-таки Алик из «Звездного билета» — бледный бородач в темных очках. Заговорили о футболе, о французской выставке, кто-то зацепил живопись, и бородач спросил Митьку:

— Что молчишь, старик? Тебе что из художников нравится?

— Левитан, — серьезно ответил Митька.

— Левитан? — бородач подмигнул друзьям. — А может, и Шишкин?

— И Шишкин! — уже с вызовом подтвердил Митька.

— Ах, что за прелесть! — обрадовался бородач. — Значит, Шишкин? Мишки на лесозаготовках? Ай эм сорри, сэр, а Кунка вам нравится?

Он выпалил это и торжествующе уставился в Митьку: что, дескать, сели в калашу, сэр? Но Митька только хмурился:

— Кунка — не художник!

— Ма-альчики! — в полном восторге закричал бородач. — Это же грандиозно, мальчики! Кунка — не художник, А кто же он? Аптекарь?

— Кунка — шарлатан! — только слегка порозовев, твердо возразил Митька.

Потом, когда мы, отбросив «сэров», заговорили о живописи, Митька с наслаждением атаковал бородача. И выяснилось, что он, бородач, о Кунке «много слышал», но работы его видел лишь мельком в журнале «Польша» и не может объяснить, чем они ему нравятся. Что же до Левитана и Шишкина, то о первом он твердо знает, что он художник, а не аптекарь, и был влюблен в «Попрыгунью», а второго в самом деле знает по ресторанному «Мишкам».

Нет, напрасно критики из «Литературы и жизни» громят аксеновских ребят за какие-то «левые» взгляды, а молодой критик замечает в этих парнях способность свободно мыслить об искусстве, не подчиняясь догмам. Не надо так: в смысле понимания искусства эти ребята никакие не «левые», они просто невежды, и абстракционизм для них — та же хлорвиниловая сумка... Алик сознается в конце рома-

на, что не может «отличить Рубенса от Рембрандта», «назубок» знает Бёлля, но из Тургенева «читал только «Певцы в хрестоматии», а «Анну Каренину» я не читал»...

Какие уж тут взгляды! Какие вкусы...

Но тогда — что же, что современно в этих ребятах?

В. Аксенов писал в «Литературной газете»:

«Цель у нашей молодой литературы (то есть литературы о молодежи) правильная — поиски героя, советского молодого человека 60-х годов, молодого человека, который изменяет лицо земли и изменяется сам.

За ним трудно угнаться — он быстроног. С ним нужно уметь разговаривать — он насмешлив. С ним интересно разговаривать — он умен. С ним радостно общаться — он оптимист.

Это очень трудный орешек для литераторов, потому что это человек сложный и путь его не всегда напоминает бетонную автостраду. Да, наш герой должен быть сложным».

И в «Звездном билете», и в сценарии В. Розова, и в повести «Мишка, Серега и я», и в подобных им сочинениях герои почти точно сконструированы по этой программе: и быстроноги (ого, как еще быстроног Володя Федоров!), и насмешливы, и сложны (если понимать под сложностью невероятный сумбур в головах), и за исключением Володи Федорова в общем-то оптимисты. И все-таки...

Все-таки я глубоко убежден, что, имея все качества, которые, по мнению В. Аксенова, определяют «советского молодого человека 60-х годов», эти герои, даже если оставить им хлорвиниловые сумки, не современны по самому главному счету! Они старомодны! Все из вчерашнего дня...

По этому главному счету для меня куда современной, например, Василий Петруничев, селькор, выступающий под псевдонимом «Правдоха», из рассказа А. Глебова, напечатанного в майской книжке журнала «Новый мир». Хотя семнадцать лет Правдохе исполнилось в 1924 году...

Правдоха.

Воюющие и ищущие

И не только о нем. Читает по программе, составленной погибшей учительницей. И беззаветно — на

всю жизнь — любит эту учительницу, хотя знает, что она не приняла его любовь. И живет интересами огромного мира, простершегося за околицей глухой деревушки. И воюет. Один воюет, в деревне, где нет комсомола, где сельсоветчики — сволочи, где волостной председатель — мерзавец. Воюет и с кулаками, и с назнокрадами, и с самогонщиками, и с насильниками. И по-одному побеждает их... А ему мстят: проповали стоптать конем, поджигали, пакостили, грозят на каждом шагу...

Рассказ не перескажешь, хотя надо бы это сделать: критика, три месяца шумевшая о «Звездном билете», не подарила «Правдохе» ни строчки.

Если б я не читал «Правдоху» одновременно со «Звездным билетом», если б не перечитывал его одновременно со сценарием В. Розова, — может, мне и не открылась бы эта пропасть...

Но я читал именно так, и она открылась, пропасть, отделяющая Правдоху от его однодокков, литературных «мальчишек». И вместе с тем показался мостик, накрепко соединивший Правдоху с настоящими нашими современниками, с той самой «правильной» молодежью, которая такой серой и примитивной выглядит у Аксенова и Розова.

— Какие-то они, понимаешь, очень на нас похожие, — говорил об этой, так называемой «правильной» молодежи Владимир Макарович Савчинский, директор алтайского целинного совхоза, который несколько лет работал с сотней вчерашних десятиклассников и уж познал их, что называется, в совершенстве. — Очень похожи! Хотя не-ет, потоньше! Покультурней, черт их дер! Образование, что ли, не то? Или горизонты? Но в чем-то очень большом... Что тут сказывается? То, что это послевоенная молодежь? То, что она мужает в годы, когда мы покончили с культом личности? Но, понимаешь, эта молодежь в чем-то главным очень близка именно нам, комсомольцам двадцатых годов. Очень смелая. Ясная. Государственная какая-то... У вас там толкуют о «стилягах», о «плесени», но я этого, по правде скажу, не видел. Не знаю этих ребят. Не по ним сужу, хотя могу сказать, что в двадцатых годах этой плесени было, наверное, в тысячу раз побольше и мы этого не пугались.

(Окончание на 4-й стр.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 136 16 ноября 1961 г. 3

ПРАВДОХА И «МОДЕРН»

(Окончание. Начало на 2-3-й стр.)

Мерили молодежь по себе и верили в нее... А эти ребята, они вот какие... Да ты Женю Рябова знаешь? Вот-вот, пастуха. Хара-актерец! Ему по всем его школьным отметкам нужно в университет, а он — в колхоз! Ему у нас по его способностям в трактористы, а он — в пастухи! А как он меня учил! Представь такую ситуацию. Весна. Снега тают, вода обступила ферму, коровы, как на острове. А тут наш управляющий пропятили, не подвез кормов. И я заматался с посевом, улупстил из виду ферму. Но там-то комсомольцы! Десятиклассники! Грамотный народ! Собрались, обсудили. И вот тебе этот Женя сдает лошаденку — и в район. А речки разыгрались, дорога трудная. Еле добрался хлопец! И прямо к первому секретарю. А в тот день как раз пленум райкома... Ну, и причастили нас по первому ряду: и меня, и зоотехника, и секретаря партбюро. Думаешь, приятно было? Эге... А когда узнал я, что это Женя нам устроил баню, и совестно стало, но, поверишь, и хорошо на душе. Вот он какой у нас, пастух! Политик! Не постеснялся ни чинов наших, ни рангов...

У нас много говорят и пишут о трудовом героизме молодежи. Приводят цифры: столько-то и столько-то молодых людей осваивает целину, работает на новостройках Сибири, состоит в бригадах коммунистического труда. Все это правильно. Зато куда меньше говорят о гражданских качествах молодых людей нашего времени, о их раннем идейном повзрослении, о их непримиримости к злу, о чистоте их помыслов и твердости убеждений. Тем мне и понравился Владимир Макарович, что подметил в Жене Рябове и его друзьях именно это. И, видимо, верно, что он связал проявление этих качеств с эпохой, с тем, что в стране после устранения культа личности изменилась обстановка, — а это, конечно, повлияло на молодежь!

Правда, судя по Аксенову и Розову, эту перемену ощутили острее всего именно их «неустроенные» мальчики. В отличие от «правильной» молодежи, которая якобы бездумно голосует за готовые лозунги и не осмеливается размышлять о чем-нибудь более широком, чем цеховые интересы, — они, «маль-

чики, натуры тонкие, чуткие, интеллектуальные, лишены предрассудков» — свободно судят и о политике, и об отношениях людей, и о смысле жизни, и даже о судьбах человечества. Володя Федоров, — ах, как же это смело! — считает, что «человечество так скверно себя ведет, что его, может быть, и стоит немножко покарать». Но, господи, какая же это хлорвиниловая сумка! Какой детский сад!

Я вспоминаю кубанскую доярку, девятнадцатилетнюю Тоню, которая, не фрондерствуя, не брюжка, но удивительно чутко уловила и глубоко поняла, что именно внесено в жизнь страны Двадцатым съездом партии. Она, эта девушка из океана «правильной» молодежи, подняла войну против шайки матерых очковтирателей и одолела их. Припоминаю все этапы этой войны: и Тонино выступление на собрании, и бой в райкоме, и поездку в крайком, — и вижу, какой же идейно зрелой дочерью своей эпохи показала себя эта девушка! И рядом с этой подлинной смелостью какими же детскими кажутся и мелкие страстишки, и ерничество, и фрондерство «быстроногих» розовских и аксеновских ребят, и их дешевенькое остроумие, которое выдается за остроумие, и их зубоскальство, которое преподносится как свободомыслие.

И тут мы подходим к тому главному, что отличает Правдоху и его наследников от юношей с хлорвиниловыми сумками, которых нам рекомендуют как вполне современных героев.

«Мы отвечаем!»

Непротивленцы.

Об этом «что» ясно и «в лоб» сказал в одной из лучших за последние годы книг о молодежи, в «Жестокости» Павла Нилина, ее герой Венька Малышев:

— Нас все касается. И мы за все отвечаем, кто бы что ни делал.

Мы отвечаем! Именно это рано осознанное «мы отвечаем» на сто голов возвышает Правдоху и над литературными героями прошлого, и над «ремарковскими парнями», и над Холденом Колфилдом, и... к сожалению, над героями В. Аксенова и В. Розова.

Тем они и мелки, тем и несовременны эти герои, что не выражают главной черты, определяющей характер советского парня, советской девушки, черты, о которой, может, из нелюбви

к «азбучным истинам» забыл сказать в своей статье В. Аксенов.

Но как же обойдешь ее, эту истину, если, не пользуясь ею, не поймешь поступков героев литературы?

Не поймешь, почему Правдоха и его наследники без раздумий и колебаний вступают в бой с каждым конкретным проявлением зла, а розовский Володя и видит зло, противное его честной натуре, и брызжит по этому поводу, и фрондерствует, но ему и в голову не приходит, что зло это надо искоренять и его собственными, Володиными, руками.

Правдохи отвечают за все, и поэтому война со злом для них столь же естественна, как дыхание, а Володя не отвечает ни за что, кроме собственного «устройства», и поэтому он, несмотря на все разговоры о судьбах человечества, куда ближе к Холдену Колфилду, чем к настоящему цвету советской молодежи.

— Но позвольте, — слышу я голос молодого критика. — Что за неправомерные претензии? У В. Аксенова и В. Розова герои-то ищущие и еще не нашедшие себя...

Ох, эти «ищущие себя»! В жизни они были всегда в достаточном количестве. Но всегда главным пафосом нашей литературы о молодежи была борьба молодого человека за лучшую жизнь народа. И раскрывался-то он в этой борьбе, и «искал себя», и отыскивал. Почему же в повестях последних лет и особенно в повестях, напечатанных «Юностью», на первый план выступают только поиски «своего места», этакое «себяустройство»? И уже появились статьи, которые видят в этом — в подмене героя воюющего героем только ищущим — знамение времени, и уже до предела расширен диапазон «ищущих»: «ищут», а не воюют не только десятиклассники, а и молодые мужчины в том возрасте, в котором Щорс командовал дивизией...

Герои повестей этих как бы говорят нам, читателям: «Вы погодите, вот мы найдем свое место в жизни, перемещаемся, а уж тогда...» А авторы? Они чаще всего соглашаются с героями, прощают им и эгоизм, и инертность, и гражданскую безответственность, и непротивление злу...

Непротивление злу — вот что особенно настораживает в молодых героях современных книг. Я уже говорил о розовском Володе. А аксеновские мальчики? Димка встречается с жуликом и фарцовщиком Фрамом и страшно рад, что не связался с ним и не запачкал рук, но ему, семнадцатилетнему гражданину страны, строящей коммунизм, и в голову не приходит, что фразы — страшная язва на теле общества и его, Димкина, гражданская обязанность — выжигать эту язву. Правдоха или Женя Рябов, они бы в два счета вывели шайку Фрама на чистую воду, а Димка, что называется, «и ухом не ведет», и писатель не только не осуждает Димку, а убеждает нас, что он хороший парень. Пошлая, мерзавец поднимает руку на девушку, подружку аксеновских ребят, за которую они отвечают перед родителями. Что же происходит? Алик и Юрка опять-таки «и ухом не ведут», хотя любые парни, если они настоящие парни, костыми легли бы, а защитили девушку, связали бы ее, черт возьми, а не отдали в руки мерзавца. Что ж писатель? Осуждает он «рыцарей»? Нет, утверждает: хорошие ребята...

Откуда же это писательское непротивление непротивлению? От жизни?

В жизни мы сталкиваемся и с пассивностью, и с непротивленчеством, и даже с пацифизмом какой-то части молодежи. Сказываются недостатки идейного и гражданского воспитания. Друг узнаем, что молодой мужчина, которого пять лет учили в институте и выпускают хорошим специалистом, оказывается никудышнейшим гражданином: не хочет ехать туда, куда его посылают. Узнаем, что «за соучастие» судят девушку-продавщицу, которая видела, как орудует хапуга-завмаг, но молчала. Узнаем, что свинарка, которой приписали мясо, «выращенное» ее подружками, как должное принимала незаслуженные почести... Так, значит, и писатели, показывая непротивленцев, верно отражают какие-то явления жизни?

Отражают... Вот именно, отражают, а не воюют с этими явлениями, пишут о них без гнева. И когда в сценарии Розова Володя, сам до конца не понимая, что это значит, говорит о неизбежности войны и невозможности бороться с ее опасностью, то ведь драматург ни метким словом, ни интонацией, ничем решительно не заставляет ни героя, ни молодого читателя оцепенеть от ужаса перед тем, что вошло в беспутную Володину голову. И прикидывая, какое же

множество молодых бойцов вывели в жизнь наступательные розовские пьесы, нельзя не подумывать с горечью: а сколько же юношей может разоружить его сценарий!

**

Будем говорить честно: в литературных кругах о романе В. Аксенова и сценарии В. Розова говорят по-разному.

Слышу, явственно слышу голос молодого критика:

— Разве Аксенов и Розов могут отвечать за всю литературу? Да, у нас мало хороших книг о молодых целинниках, о героях новостроек, о современных Корчагиных и Правдохах, но можно ли ответственность за это возлагать на двух или даже на пятерых писателей? Да, они выбрали в герои небольшую и не самую передовую группу молодежи, но ведь она же реально существует! Можно ли проходить мимо нее?

С этим можно согласиться. Хотя, ей-богу же, по-человечески жаль, что сегодня о «заливчике» пишут и впрямь куда больше и куда талантливее, чем об «океане».

Но не за это же мы упрекаем В. Аксенова и В. Розова. Пусть заинтересовала их такая молодежь... Пусть обеспокоила именно ее судьба. Но не выдавайте же своих «мальчиков» за самых выдающихся и самых современных представителей советской молодежи, за настоящие «сливки» общества. Не возвышайте их над окружающими и не принижайте во имя этого возвышения других молодых людей. Тех честных производственников, которые ищут, воюют, и строят, не фрондерствуя. Не выдавайте непротивленчество своих мальчиков, их инертность, их непонимание гражданских обязанностей за некий дух времени...

Очень высоко подняла воспитательную роль литературы новая Программа партии. Очень многого ждет народ от литературы. И когда смещаются пропорции, когда копеечный «модерн» выдается за современность, а пустые и жалкие мальчики возводятся в ранг самой интересной и блистательной части нашей молодежи, — как же тут не взволноваться, не встревожиться, не вступить в драку? Надо вступать!

Главный редактор В. А. КОСОЛАПОВ.

Редакционная коллегия: Ю. Я. БАРАБАШ (зам. главного редактора), В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОЙДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

ПАМЯТИ

Василия Каменского

Скончался Василий Каменский. Русокудрий, светлоглазый сын Урала, певец былинных богатей и сам богатырь, задорный по нраву, но добрый и чуткий к людям, — таким вижу я своего ровесника по эпохе и соседа по творчеству — Василия Васильевича Каменского.

Большая, раздольная песня жизни кипела в нем. Ширококрылая была у него натура. И путь его был необычен. И родился он не в наземном доме, а на камском пароходе. От Ледовитого океана до Ирана и Турции, не говоря о Европе, озирает он земные просторы. Но их было ему мало. Знаки Зодиака сияли на обложках его стихов. Но Василий Каменский возмечтал посмотреть на них в небо и стал одним из первых наших летчиков. Как Икар с острова Крита, поднялся он с Варшавского аэродрома и упал, как Икар, но остался жив.

Своей книгой «Звучаль веснянки» он отчетливо обозначил свое место в рядах тогдашней молодой советской поэзии как поэта-новатора. Он вырвался из плена побрякушек и выкрутас футуристической поэзии. Любовь к Родине, с молоком матери воспринятое чувство народного русского языка во всем богатстве его оттенков и интонаций помогли ему найти свою тему в кругу былинных и исторических образов русской жизни.

Но он не стал поэтом-пассеистом: в прошлом его увлекали образы искателей правды, борцов за народное счастье, а не само прошлое. Излюбленные поэтами тех лет образы Степана Разина, Емельяна Пугачева, Ивана Болотникова оживают в его стихах. Поэма о Емельяне Пугачеве послужила основой либретто оперы Мариана Ковала.

Василий Каменский останется в нашей памяти как кровный сын народа и его певец.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (Для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусство — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б-04333

Литературная газета и ВБ
16.11.1961.
Розов В.С.